

УДК 327.7

Алексей ГРОМЫКО

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены феномены глобализации и глобального мира. Категория “глобальный мир” стала центральной темой исследования В.Б. Кувалдина “Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения”, анализ и концепции которого находится в центре внимания данной работы. Становление глобального мира определяется как магистральное направление развития человечества, но ставится под вопрос безальтернативность неолиберальной и западно-центричной модели глобализации. Особое внимание уделено вопросам генезиса глобализации, проблематике устойчивости полицентричной модели международных отношений, явлениям деглобализации, неравномерностям мирового развития, возрастанию внутристрановых, межгосударственных и межрегиональных диспаритетов. Исследуются проблемы роли института национального государства в полицентричном мире, перспектив адаптации Евросоюза к изменениям международной среды, взаимодействия политических и экономических факторов. Рассуждения двух авторов опираются на тезис об императиве стратегии России в качестве уникальной евротихоокеанской “державы трёх океанов”.

Ключевые слова: глобализация, глобальный мир, национальное государство, полицентризм.

Термин “глобализация” за последнюю четверть века стал настолько расхожим, что не только не удивляет, но порой кажется навязчивым. Однако тот факт, что он столь широко употребляем, хотя часто и неразборчиво, не отменяет исключительной значимости этой проблематики. Глубокие исследования феномена глобализации и её производной – полицентризма – встречаются достаточно редко ввиду трудности, наукоёмкости задачи. Один из важнейших ракурсов глобализации – тема глобального мира. Она – своего рода квинтэссенция изучения природы взаимосвязей в мире. За неё берутся лишь отдельные авторы и группы учёных. В отечественной науке среди немногих примеров – коллективная монография “Россия в полицентричном мире” [Россия в полицентричном мире, 2011].

Глобальный мир – это, пожалуй, главный, агрегированный продукт глобализации. Его анализ невозможен без междисциплинарного подхода, глубоких познаний развития крупных частей планеты и переплетения их судеб. Новый труд Виктора Борисовича Кувалдина представляет собой именно такой научный продукт [Кувалдин, 2017].

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12018137147>

В своём исследовании автор опирается на многолетний опыт изучения данной темы [Кувалдин, 2009].

Даётся анализ всех значимых мировых регионов. В книге трудно найти то, без чего представление о глобальном мире было бы по-настоящему усечённым. Региональный охват почти полный, за исключением, пожалуй, Австралии, Океании и Карибского бассейна. Подкупает и то, что с первого взгляда у отдельных специалистов может вызвать вопрос. Например, Европе за пределами постсоветского пространства посвящено 26 страниц из более чем 400, т.е. столько же, сколько Восточной Азии (без Китая), а Ближнему и Среднему Востоку – даже больше. Но книга – о глобальном мире, а не о том, что важнее – европо-, американо- или какой-либо иной центризм. Подчеркнём – не столько о глобализации, сколько о глобальном мире. По определению автора: “Глобализация – всеобъемлющий процесс развития трансмировых связей и отношений, ведущий к становлению глобального человеческого сообщества” [Кувалдин, 2017: 12]. Последнее и есть глобальный мир. И здесь калибровка различных частей текста достаточно выверена. Чем дальше, тем больше мир уходит от пирамидальной структуры. Это – один из главных рефренов работы. Для автора важны процессы глобальной природы независимо от того, где они протекают. И с этой точки зрения оправдан упор на два ведущих по значению “нервных узла” мировой политики – США, Азию в целом и Китай в частности. Кроме того, помимо анализа процессов на уровне регионов, автор занимается поиском того, что их связывает, заставляет решать одни и те же проблемы. Например, разные части планеты, в основном развитые страны, роднит риск “геронтократической ловушки”, как и риск снижения жизненных стандартов среднего класса. Для других же (Африка, Ближний и Средний Восток) общие риски противоположные – зашкаливающая доля молодёжи в составе населения. Интересны аналогии, проведённые автором между Россией и её “близнецом в Западном полушарии” – странами Латинской Америки.

Подкупает в книге и то, что автор уходит от преувеличения как объективности, так и субъективности в истории. Она – материя намного более сложная. Бессмысленно ставить под сомнение, что нам суждено жить в глобальном мире, но, как пишет автор, каким будет это общежитие, зависит от самих людей. Безусловно, глобализация в целом – процесс объективный и во многом бесповоротный. Но он не всеохватывающий и, тем более, далеко не всё в мировом развитии сводится к нему. Это очевидно и, например, судя по усиливающимся элементам деглобализации, о которых немного ниже, и исходя из того, что закон неравномерного развития XXI век не отменил. Главным бенефициаром нынешнего этапа глобализации стал Запад, но постепенное ослабление его позиций в мировых делах приводит к выдвиганию на первый план других центров силы со своими конкурентными преимуществами. Другими словами, глобализация необратима, по крайней мере в масштабе, предшествующем её гиперфазе (1990-е – 2008 гг.), но какая её следующая модель окажется доминирующей зависит от конкретного политического процесса и, следовательно, от конкретных людей и институтов.

Интересен подход учёного к периодизации истории глобализации и соответственно глобального мира. Из множества вариантов, предложенных в научной литературе (сильно упрощая, они сводятся к трём категориям возраста глобализации: равный возрасту человечества, средний и совсем юный с разными вариациями), в исследовании предложено установить отсчёт глобализации с начала XIX века, а отсчёт эпохи глобального мира (“мегаобщества”) ограничить последней четвертью столетия.

Прежде чем порассуждать на эту тему, необходимо отметить, что книга является ярко выражено авторской. Имею в виду, что перед нами интересная работа не только с точки зрения научной, но и авторского стиля. Это относится и к языку изложения и ли-

тературным приёмам, что украшает книгу, и к методу анализа. Его главная отличительная черта – отсутствие категоричности в выводах и оценках, оперирование большим массивом данных, которые не подгоняются под определённые выводы, а используются, чтобы показать всю сложность и неоднозначность описываемых процессов.

В то же время нет ощущения, что автор подвержен релятивизму; он занят поиском трендов и тенденций, которые составляют каркас его рассуждений и обоснования собственной оригинальной картины мирового развития. Но никакие из этих тенденций не окончательны и бесповоротны, а сами они складываются из множества противоречий. Автор постоянно и намеренно сталкивает различные аргументы и факты; ход его рассуждений похож на качели, которые отклоняются то в одну, то в другую сторону. Словно на весах с двумя чашами, он добавляет к альтернативным мнениям всё новые и новые аргументы, наблюдая за тем, какая из чаш в конце концов перевесит. Такой метод – показатель качественной аналитической работы. Данный подход, исключающий категоричность, прямолинейность и упрощённость в выводах, даёт возможность вступить с автором в интересный научный диспут.

Например, в отношении происхождения глобального мира точка зрения исследователя заключается в том, что его корни уходят в XIX век – время “протоглобализации”, или, другими его словами, “глобализации-1” [Кувалдин, 2017: 16]. Такой ход рассуждений следует из предложенного тезиса об органической связи глобализации с капиталистическим способом производства. Если это так, то в основе процесса разрастания сферы глобализации лежит расширение рынков. Тогда водоразделом в истории этих процессов точнее считать эпоху Великих географических открытий (Колумбова эпоха) и последующее формирование мировых империй. В их границах сложились невиданные ранее по охвату народнохозяйственные комплексы, своего рода протосоставляющие будущего глобального рыночного пространства.

Можно и вовсе оспорить данный тезис, предположив, что глобализация не сводится к экспансии рыночного способа производства, хотя он и сыграл важную роль в её судьбе. Например, экономисты времён К. Маркса и представить не могли, каких масштабов достигнет концентрации капитала в XXI веке. И всё же глобализация – не только сугубо экономический процесс; она включает в себе и иные элементы, например, формирование глобального культурного, политического, образовательного пространства, пространства вопросов безопасности, в конце концов, любознательность и пытливость человеческой природы. Кроме того, и социалистический способ производства предполагал экспансию и на деле осуществлял её в советскую эпоху. Да и в наше время политэкономия Китая никак не назовешь капиталистической, так как экономика всегда была и будет неразрывно связана с политикой.

Кроме того, даже ограничивая подоплёку усиления интенсивности глобализации способом производства, закономерно задать вопрос: то, что называли в XIX веке “капиталистическим способом производства”, пережило ли век XX-й? Ведь то, что проповедовали последователи Манчестерской школы экономики в позапрошлом столетии или либертарианцы – в прошлом, разительно отличается от реалий социального рынка и государства благосостояния, как они сложились, по крайней мере, в Европе, особенно в её северной части (“скандинавская модель”).

В книге используется термин “либеральная цивилизация XIX века”. Если не относиться к нему, как к фигуре речи, то это также интересный момент для обсуждения. Во-первых, можно ли цивилизацию описывать понятиями идеологий либерализма, консерватизма или коллективизма? Во-вторых, было ли XIX столетие однозначно либеральной эпохой, хотя бесспорно, именно тогда теория и практика “свободного рынка” достигли своего пика? С наименьшей убедительностью можно утверждать, что то была эпо-

ха и консерватизма, и национализма, и империализма, как и время рождения современного коллективизма.

Либерализм в книге во многом воспринимается как красная нить, явно или подспудно пронизывающая ткань глобализации и, тем более, глобального мира. Так, предлагается считать, что после краха “реального социализма” рыночная экономика, политическая демократия, идейный плюрализм, открытое общество превратились в общезначимые нормы. В этом можно усомниться. Рыночные принципы экономики в годы последнего мирового экономического кризиса отошли далеко на задний план перед лицом невиданного государственного вмешательства в рыночные процессы, как и широкого применения нерыночных способов борьбы с конкурентами (практика экономических и иных санкций). Эффективность политической демократии, по крайней мере, в форме “представительной демократии”, как никогда поставлена под сомнение явлениями политического абсентеизма, политической апатии, демократического дефицита. Последний сыграл немалую роль в решении 52% британцев проголосовать за выход их страны из Европейского союза. Идея открытого общества сильно дискредитирована вымывание гражданских прав и свобод под флагом укрепления общественной безопасности и борьбы с терроризмом, внедрением практики тотальной слежки спецслужбами за обществом, включая политических лидеров союзнических государств.

Рецензируемый труд изящно избегает ловушек детерминированности истории, но логика причинно-следственных связей, цикличности в развитии в нём широко применяется. Так, читателю напоминают о том, что в середине XVIII в. Китай и Индия обеспечивали более половины мирового производства. Чем не пример закона “взлёта и падения великих держав” в действии? Действительно, кое-что из “законов истории” нельзя не учитывать, и в первую очередь – закон неравномерного развития, а значит вечной конкуренции, задачи догнать или наоборот уйти в ещё больший отрыв. Глобализация с особой остротой поставила эти вопросы, и отсюда, как пишет автор, “яростное сопротивление” [Кувалдин, 2017: 17], т.е. стремление обделённых лидерскими позициями развернуть ситуацию в свою пользу. Можно добавить, что яростное сопротивление присуще не только тем, кто догоняет, но и лидерам, которые стремятся законсервировать своё доминирование, не подпустить к когда-то захваченным “командным высотам” новоявленных претендентов.

На стыке подобных противоречий находятся такие трагические события, как Первая и Вторая мировые войны. Действительно, в истории, помимо других повторяющихся рядов, хорошо различимы циклы насилия¹. Глобальный мир тем более предоставляет невиданные ранее инструменты для такой извечной конкуренции. Одновременно он предоставляет и огромные возможности для недопущения очередного всплеска насилия. Иными словами, вопрос стоит так: будет ли способен глобальный мир прервать извечную череду циклов насилия, которые сопровождали каждый перелом в истории “взлёта и падения великих держав”? Или напротив, он станет “увеличительной лупой” для него?

В этой части вновь хотелось бы отметить неординарность мышления автора, который процесс становления глобального мира рассматривает как генератор проблем и решений одновременно. Например, период холодной войны, как предтеча глобального мира, оценивается не только в терминах крупнейшего по историческим меркам противостояния, которое принесло и крупнейшие риски для человечества (Кубинский кризис), но и как форма кондоминиума, “своеобразный механизм политической глобализа-

¹ Например, о циклах насилия применительно к периодам смены одной модели международных отношений другой: [Громыко, 2017: 22–36].

ции на биполярной основе” [Кувалдин, 2017: 18]. Здесь в аргументации можно опираться не только на голый утилитаризм (в духе рассуждений – соперников от нового цикла насилия удержало атомное оружие), но и на более высокие материи (повышение ответственности человека за свою планету, становление коллективного разума, выход стратегического мышления за сугубо военные рамки). Именно в годы холодной войны появилась концепция нового мышления, выдвинутая в манифесте лорда Б. Рассела и А.Эйнштейна¹, а затем, в 1980-е гг. развитая в нашей стране в книге “Новое мышление в ядерный век” [Громыко, Ломейко, 1984].

Определяя глобализацию и формирование глобального мира как магистральное направление развития человечества, автор в свойственной ему манере оставляет приоткрытой дверь сомнения относительно безальтернативности такого развития. Речь идёт о феномене, который уже не просто угадывается, а достаточно зримо заявляет о себе – возможность деглобализации (девестернизации, например, глобальной финансовой системы). В рецензируемом труде, как и в уже достаточно широком круге исследований, обращается внимание на целый ряд фактов, подкрепляющих вероятность такого сценария [Кузнецов, 2017: 9–21]. Например, на то, что темпы роста объёмов мировой торговли впервые за длительный период упали ниже темпов роста мирового ВВП. Да и сама история свидетельствует, что, случись какой-либо вариант деглобализации, беспрецедентным такое событие не стало бы, ведь и Первой мировой войне, и Великой депрессии, и Второй мировой уже удалось заставить глобализацию пойти на попятную. Очередной удар по ней нанёс последний мировой экономический кризис и его производные.

Не является водонепроницаемой гарантией для глобализации и каркас из зон свободной торговли и в целом региональные интеграционные проекты, которые пережили взрывной рост во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х гг. В книге справедливо говорится о благоприятствующем глобализации принципе открытого регионализма. Но история известна способностью неожиданно “передёрнуть карты”. В изменяющихся условиях факторы роста могут превратиться в серьёзные помехи. Автор прав, что возможна трансформация интеграционных группировок в замкнутые торгово-экономические блоки, и что намечается отгораживание оформляющихся макрорегиональных моделей производства, которые в основном работают на себя (“в Азии промышленность работает на азиатские рынки, в Северной Америке – на североамериканский” [Кувалдин, 2017: 104]). Добавим и другой элемент деглобализации – распространение санкционной практики. Ещё один – нащупывание государствами взаимных отличий в идеологическом, ценностном, нравственном измерениях.

Важно отметить, что деглобализация, в случае её осуществления, совсем не обязательно полностью перечеркнёт результаты роста взаимозависимости мира последних двух или более столетий. С нашей точки зрения, речь идёт о том, будет ли в XXI веке частично или полностью демонтирована модель глобализации в её гиперфазе, присущей последней четверти века. Но тогда напрашивается вопрос: не подорвёт ли такое развитие событий сам феномен, которому посвящена книга, – глобальный мир? Ведь автор определяет его возраст именно четвертью века. Думается, что вряд ли. Речь идёт не о коренной ломке, а о переписывании, точнее – существенной корректировке всеобщих правил игры – финансовой, экономической, геополитической архитектуры мира. В случае реализации такого сценария глобальный мир может не только сохраниться, но и стать более устойчивым, прочным и справедливым, опираясь на реальное распределение сил. Конечно, в этом сценарии заложены свои высокие риски, так как многополяр-

¹ <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>

ность, полицентризм ещё никогда в истории не поднимались до глобального уровня. Автор прав, ставя вопросы о последствиях возвышения новых лидеров, в первую очередь Китая. Их трудно просчитать. Не приведёт ли полицентричность к ещё большей неопределённости? И вновь выразим мнение, что не менее вероятно и прямо противоположная гипотеза. Ведь в отличие от предполагаемых рисков риски консервации неолиберальной модели глобализации, которая вначале разогнала мировую экономику, но затем привела её к самому глубокому кризису со времён Великой депрессии, – очевидные и они уже нанесли огромный вред.

Неизбежно рассуждения о глобальном мире приводят автора к вопросу о механизмах управления им и, следовательно, к теме судеб классических государств. Противоречие, с первого взгляда, налицо: многие проблемы глобальные, а ключевые игроки локализованы в виде национальных государств как одно из долгоиграющих наследий XIX и XX веков (принцип государственного суверенитета и вовсе ведёт отсчёт с Вестфальского договора 1648 г.). Но действительно ли такое противоречие неизбежно? Надо ли в очередной раз списывать со счетов институт национального государства как заведомо неспособный справиться с проблемами теперь уже глобального мира?

Перестройка системы глобального регулирования, безусловно, нужна, но многое говорит о том, что это по силам сделать именно государствам и межгосударственным организациям. Конечно, анализируя эту проблему с европейского ракурса, есть соблазн обратить взоры на Европейский союз и предположить, что дуалистическая межгосударственная / наднациональная модель развития и управления указывает верный путь. Но история предостерегает от излишней поспешности таких выводов. Уже стало общим местом в исследованиях мировой политики говорить о том, что ожидания 1990-х гг. о скором закате, размывании института государства не оправдались. В тэтчеризме был популярен тезис об отбрасывании границ государственного влияния назад, но на практике принципиального перераспределения прерогатив между государством и рынком не произошло даже в Великобритании. Крупнейшее событие последних 30 лет – распад советского пространства – привело к резкому умножению государств в мире. И с тех пор количество членов Организации Объединённых Наций только увеличивалось. Стремление к укреплению национальной, этнической, культурной, религиозной идентичности продолжает расти.

Конечно, эти факты можно обернуть против них самих, указав, что чем больше раздроблено мировое политическое пространство между растущим количеством государств, включая государства несостоявшиеся или “хрупкие”, тем востребованнее становятся наднациональные механизмы трансрегионального и глобального регулирования. Но есть ли убедительные примеры таковых кроме ведущих межгосударственных объединений – ООН, “большой двадцатки” и др.? Что конкретно предлагается взамен? Вариант однополярного мира, на который столь многие на Западе уповали в 1990-е гг.? Но история полностью развеяла эти надежды, оказавшиеся иллюзиями. Сейчас о выражении “милосердный гегемон” уже мало кто вспоминает. Вариант полуторного мира во главе с теми же Соединёнными Штатами, опирающимися на ЕС? Но очевидно, что Вашингтон бесповоротно взял курс на пересмотр своих внешнеполитических приоритетов в пользу Азии. Что касается Брюсселя, то многие в нём хотят добиваться стратегической автономии, но не на правах младшего партнёра США. На это указывает и развитие событий в сфере общей внешней политики и политики безопасности ЕС, особенно в связи с проектом “постоянного структурированного сотрудничества” (PESCO), который столь быстро набирает обороты¹.

¹ Например, см.: [Kempin, Kunz, 2017].

Все другие широко обсуждаемые варианты упорядочивания трансрегионального и мирового регулирования представляют собой различные комбинации из государств: либо вариант обновлённой биполярности – США и Китай, либо различные геометрические фигуры: треугольники “Китай – Россия – США” [Российско-американское сотрудничество и противоборство, 2017: 359–398.], “ЕС – Россия – Китай”, “США – Китай – ЕС”, “Россия – Индия – Китай”, пятиугольник БРИКС и т.п. ЕС в них присутствует, но в одном ряду с государствами. Есть и более экзотические концепции, призванные спасти идею замены государств-наций на нечто более прогрессивное и эффективное. Даже жертвуя Европейским союзом в том виде, в каком мы его знаем. Например, к этой категории относится “неосредневековая модель отношений”, которая одновременно преследует две цели – списать в утиль и ЕС (но не европейскую интеграцию), и институт национального государства¹.

Критика института государства-нации чаще всего основана на двух аргументах: первый – в его основе лежит национализм, который принёс столько бед Европе; второй – отдельные государства и даже их группы не способны решать глобальные проблемы. Но национализм национализму рознь; он может быть и агрессивным, и просвещённым (в последнем случае его называют национальным самосознанием [Галкин, 2017: 63–81]). Что касается института государства с точки зрения способности к управлению, то здесь возвращаемся к вопросу об альтернативе. На сегодня Евросоюз – единственный претендент на эту роль. Но проблема в том, что он находится в затруднительном положении. Ни одна страна-член ЕС на уровне политического руководства никогда не предлагала упразднить институт государства. Кроме того, нигде в мире пока нет другой группы стран, которые проявили бы желание следовать примеру Евросоюза сверх того, что до 1993 г. называлось Европейским экономическим сообществом (т.е. максимум – создание единого рынка).

Ещё один аргумент в пользу сохранения на всю обозримую перспективу национального государства в качестве ключевого субъекта международных отношений и глобального регулирования – это легитимность и демократия. Пока нет ответа на вопрос, как обеспечить два последних принципа вне рамок классического государства. Теоретически для его противников решением могло бы стать создание укрупнённых супергосударств-федераций, что во многом и является целью европейских федералистов. Т.е. речь идёт о воссоздании института не-национального государства, но на более высоком уровне.

Но, как оказалось, это трудновыполнимая задача даже для ЕС, в котором проблема демократического дефицита лишь усугубляется, и попытки которого создать общеевропейскую политику с наднациональной партийно-политической системой пока принесли самые скромные плоды. Если бы даже в лице ЕС супергосударство-федерация была бы успешно создана, то очевидно, что в своём нынешнем территориальном виде (плюс несколько небольших государств-кандидатов) она достигла пределов расширения. Другими словами, задача по созданию субъекта международных отношений нового типа, способного решать, в отличие от государства-нации, глобальные проблемы, была бы решена лишь частично. Помимо этого, следует иметь в виду, что создание такого субъекта без решения проблемы легитимности возможно только с помощью авторитарных или даже диктаторских методов. Наконец, при всех допущениях успех такого проекта привел бы к ситуации, когда государство нового типа, созданное на базе современного ЕС (своего рода “ЕС плюс”), оказалось бы окружено всё теми же классиче-

¹ См., например: [Zielonka, 2016].

скими национальными государствами, так как репликация ЕС в других регионах мира по причинам, перечисленным выше, невозможна. В проекте европейской интеграции уникальных черт намного больше, нежели универсальных.

Возвращаясь к исследованию о глобальном мире, отметим его убедительность в демонстрации того, каким извилистым путём идёт формирование полицентризма. Автор наглядно показывает, как однополярная модель уходит в прошлое, хотя происходит это медленно и нелинейно (“слабеющая однополярность”). Категория даже наиболее успешных развивающихся стран испытывает в своём развитии “отрезки” то ускорения, то замедления роста. Но достаточно многочисленны и государства, которые находятся в перманентном минусе, “идут на дно”, а это, по мнению автора, примерно миллиард человек (в основном африканские и ряд азиатских государств). В целом же перераспределение сил в мире ускоряется, что в очередной раз подтвердил мировой экономический кризис и его последствия. Об этом же свидетельствуют и инверсионные сдвиги в общественном мнении о плодах глобализации в развитых и группе успешных развивающихся стран. В первых она всё чаще подвергается критике, что на руку популистам. Во-вторых наоборот растёт уверенность в собственных силах и даже стремление перехватить лидерство у западных центров силы. Вспомним, например, недвусмысленную демонстрацию Китаем в начале 2017 г. своей приверженности свободной торговле на фоне протекционистских заявлений Д. Трампа¹.

И вновь насыщенные размышления автора дают пищу для дискуссии. Так, предложен тезис, что расщепление экономической мощи на различные составляющие неизбежно осложнит выработку согласованных решений. Но однозначно ли такое положение? Обязательно ли выравнивание экономических и иных потенциалов должно вести к усугублению проблем, в том числе управленческих? Конечно, чем больше субъектов принятия решения, тем, как правило, труднее его достичь. Однако такое затруднение нежелательно, если существует лучшая альтернатива. В данном случае это означало бы консервацию механизмов глобального регулирования во главе с США, а значит предполагало бы возможность остановить развитие полицентризма. Но, как считает сам автор, речь идёт об объективном процессе, и, во-вторых, альтернатива ещё хуже – стремление Запада удержать “командные высоты” плодит только новые проблемы. Т.е. слишком неравномерное распределение факторов силы и ограниченность круга субъектов принятия решений не обязательно являются залогом эффективности и успеха. Более того, современная история показала, что сокращение количества субъектов-лидеров может приводить к крайне неблагоприятным последствиям для тех, кто формально оказался в выигрыше. Так, развал СССР предоставил США беспрецедентные возможности закрепиться в качестве единственной сверхдержавы. Но этого не произошло; напротив, исчезновение основного соперника, своего рода контрфорса Вашингтона в мировой политике, соизмеримого центра принятия решений привело к деградации качества “американского лидерства” и лишь ускорило процесс ослабления мощи США.

Крайне важен вопрос модальности взаимоотношений России с другими центрами силы. Невозможно оспорить востребованность установки автора на то, что в глобальном мире разумной альтернативы партнёрству Соединённых Штатов и России нет. Также чрезвычайно импонирует отсутствие в книге таких упрощённых схем, как “новая холодная война”. Вместо этого предложена действительно экспертная формулировка: Россия и Запад не вернулись к холодной войне, но баланс отношений сильно сместился в

¹ Max Ehrenfreund. World leaders find hope for globalization in Davos amid populist revolt // The Washington Post, January 17, 2017. <https://www.washingtonpost.com> (Дата обращения 26.02.2018)

сторону конфронтации. Хотелось бы отметить и выверенность оценки ситуации в связке Россия – ЕС, которую можно свести к следующему: европейские интеграционные институты сохраняют важное место среди внешнеполитических визави России, однако по важности для Москвы они не могут заменить столицы стран-членов этого объединения. Такая же сбалансированность в подходах к сложным проблемам прослеживается по украинской тематике. Трудно не согласиться, что украинский кризис сузил поле внешнеполитического маневра России и осложнил осуществление стратегии модернизации.

Неординарными наблюдениями отмечены и размышления учёного о перспективах подъёма Азии. Можно приводить множество статистических данных, и в книге это сделано, в пользу возрастания шансов этого региона на завоевание лидерских позиций. Но не менее важно видеть: для долговременного изменения соотношения сил в мире в свою пользу, необходимо нечто большее, чем эффективное использование факторов производства. Возвышение на несколько веков Европы и затем Запада было обеспечено не подражанием, а интеллектуальной революцией и шире – способом мышления, созданием целого мировоззрения, своей картины мира, образа жизни. Так и перед невестернизированной частью Азии стоит вызов относительно собственного вклада в принципы человеческого общежития.

Добавим, что это же относится и к способности продвигать свои геополитические интересы, свои “большие идеи”, стратегическое мышление, во многом – свои принципы и ценности. Как и мегапроекты, работающие на будущее. Проиллюстрируем это следующим примером из книги: Китай вкладывает 50 млрд долл. в строительство нового канала между Атлантическим и Тихим океаном, который может быть открыт уже в 2019 г. [Кувалдин, 2017: 351] Для решения крупных задач на международной арене требуется создание и поддержание эффективного инструментария “мягкой силы”. Конечно, во многом надуманно и бесперспективно стремление многих на Западе, да и в России, утвердить в общественном сознании необходимость возрождения идеологического и ценностного противостояния по аналогии с эпохой холодной войны. Однако при этом вряд ли стоит отказываться от способности, у кого она есть, иметь собственное видение развития страны, окружающего её региона и мира в целом. По крайней мере, это исключительно важно для тех, кто претендует на роль центра силы и влияния.

И ещё один существенный вопрос, который ставят материалы книги. Какую роль в следующие десятилетия будет играть соотношение политического и экономического? Насколько возрастание экономической взаимозависимости мира – гарантия решения укоренившихся проблем? Мы уже привыкли к тезису о том, что будущее во многом – за Азиатско-тихоокеанским регионом. Но вслед за автором не будем забывать, что одновременно это вместилище массы конфликтов, как локализованных, так и таящих угрозу всему миру (Тайвань, Курилы, Корейский полуостров, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря и др.) Сможет ли переплетение экономических интересов ослабить или нейтрализовать столкновение интересов политических в сфере безопасности?

Очевидно, что экономика далеко не всегда “база” и “фундамент” и далеко не всегда её интересы подчиняют себе интересы иного порядка. Так, экономическая взаимозависимость России и стран ЕС длительное время росла быстрыми темпами; возникло представление о взаимных стратегических интересах. Однако затем по политическим соображениям экономические интересы были быстро подмяты санкционными режимами. Другой пример – присоединение Британии к вторжению в Ирак: крупнейшие британские нефтегазовые ТНК были против, но политическое руководство страны поступило по-своему. Ещё один – отношения США и Китая, которые в своей экономической части представляют собой плотный клубок взаимосвязей. Однако последние не в со-

стоянии предотвратить усиление геополитического соперничества двух государств. Бывают и случаи, когда экономические интересы берут верх, но работают против усиления экономической взаимозависимости, например – выход США из Транстихоокеанского партнёрства.

Сказанное о сложностях положения дел в Восточной Азии в полной мере, как показывает автор, относится к Азии Южной. Там находится своя восходящая держава – Индия, нарастает экономическая взаимозависимость, но одновременно регион впечатляет насыщенностью конфликтным потенциалом. Тем более, это касается Африки, Ближнего и Среднего Востока. Из этого ряда выбивается лишь Латинская Америка. Но заметим, что низкая милитаризация этой части света не выводит из повестки дня проблему насилия, ведь многие из расположенных здесь стран – одни из самых криминализованных в мире. Но, наверно, нигде контрасты между возможностями и рисками не велики так, как в Африке. Скандальна приведённая в книге цифра – 80,4% населения континента находится ниже черты бедности (2,5 долл. в день) [Кувалдин, 2017: 361]. Но и для него далеко не всё потеряно, более того, ряд африканских стран – мировые лидеры по темпам экономического роста. И это очередной пример диалектики глобального мира.

Материал книги настолько ёмкий и широкий по охвату, что неизбежны пожелания что-то скорректировать или развить. Так, введение евровалюты в безналичных расчётах относится к 1999 г., тогда как в указанном 2002 г. евро появилось в форме банкнот и монет. Выражение “свёртывание Шенгенской зоны” не совсем адекватно отражает ситуацию. В действительности в последние годы на разрешённое регламентом время восстанавливались элементы пограничного контроля внутри ЕС, не более того. Не совсем ясно, что имеется ввиду под попытками наложить европейскую (вестминстерскую) политическую систему на африканскую реальность. Вестминстерская модель обычно обозначает, в отличие от плюральной, т.н. мажоритарную модель демократии, которая в Европе присутствует далеко не везде. Видимо, речь идёт о либеральной политической системе представительной демократии. Европеистам также будет не хватать, например, упоминания о Глобальной стратегии Евросоюза, обнародованной в июне 2016 г. Раздел о Ближнем Востоке не содержит темы военной кампании России. Можно поспорить и с тем, что после разрушения Советского Союза Россия стала более “азиатским” государством. По территории – да, но по составу населения ситуация изменилась в противоположную сторону. Вряд ли оправдана на фоне украинского кризиса критика ОБСЕ как несостоявшейся организации с учётом её реального и признанного вклада в снижение интенсивности конфликта. Интересна для дальнейшей дискуссии тема дефляции, которая в книге затрагивается в отношении Японии в качестве проблемы более грозной, чем инфляция. Экономисты спорят по этому поводу [Варнавский, 2017: 106–118].

Книга Виктора Борисовича Кувалдина “Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения” – редкое по своей глубине исследование, и не только для нашей страны. Яркий пример столь востребованной, но мало кем достижимой междисциплинарности. Размах замысла автора оказался более чем оправдан качеством проведённого исследования. Как бы ни была широка тематика книги, но в сущности она написана в первую очередь о России и для России. Изучая глобальный мир от великих держав до самых его дальних уголков, учёный фактически ищет ответ на вопрос о путях развития нашей страны, о её возможностях по встраиванию в глобальный мир на достойных условиях, о её преимуществах и недостатках. Он честен перед читателем, отмечая, что пока ни власть, ни общество в должной мере “не оценили уникальность положения России как евроазиатской державы, единственной европейской страны с широким, беспрепятственным выходом на величайший океан планеты” [Кувалдин, 2017: 224].

Современная Европа, 2018, №1

Роль исследования такого уровня, помимо научной, и состоит в том, чтобы способствовать совершенствованию стратегического мышления нации.

Список литературы

- Варнавский В.Г. (2017) Дефляция в ЕС – угроза росту? // *Современная Европа*, № 6. С. 106–118.
- Галкин А.А. (2017) Общественное сознание и идеологические сдвиги. Глава 3. В: Европа XXI века. Новые вызовы и риски. Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Нестор-История. С. 63–81.
- Громыко Ал.А. (2017) О насущном. Европа в современном мире. Нестор История. М. С. 22–36.
- Громыко Ан.А., Ломейко В.Б. (1984) Новое мышление в ядерный век. М.: Международные отношения.
- Кувалдин В.Б. (2017) Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения. М.: Весь мир.
- Кувалдин В.Б. (2009) Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. М.: Магистр.
- Кузнецов А.В. (2017) Международные финансовые институты и вызовы многополярности // *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. Том 17, №1. С. 9–21.
- Российско-американское сотрудничество и противоборство. (2017) Значение для национальной безопасности России. Под ред. С.М. Рогова. М.: Весь мир. С. 359–398.
- Россия в полицентричном мире. (2011) Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. Весь мир. М.

References

- Varnavskij V.G. (2017) Deflyaciya v ES – угроza rostu? // *Sovremennaja Evropa*, № 6. S. 106–118.
- Galkin A.A. (2017) Obshhestvennoe soznanie i ideologicheskie sdvigi. Glava 3. V: Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski. Pod red. Al.A. Gromyko, V.P. Fjodorova. M.: Nestor-Istoriya. S. 63–81.
- Gromyko Al.A. (2017) O nasushnom. Evropa v sovremennom mire. Nestor Istoriya. M. S. 22–36.
- Gromyko An.A., Lomejko V.B. (1984) Novoe myshlenie v jadernyj vek. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Kuvaldin V.B. (2017) Global'nyj mir: politika, jekonomika, social'nye otnosheniya. M.: Ves' mir.
- Kuvaldin V.B. (2009) Global'nyj mir: jekonomika, politika, mezhdunarodnye otnosheniya. M.: Magistr.
- Kuznetsov A.V. (2017) Mezhdunarodnye finansovyie instituty i vyzovy mnogopoljarnosti // *Vestnik RUDN*. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya. Tom 17, №1. S. 9–21.
- Rossijsko-amerikanskoe sotrudnichestvo i protivoborstvo. (2017) Znachenie dlya nacional'noj bezopasnosti Rossii. Pod red. S.M. Rogova. M.: Ves' mir. S. 359–398.
- Rossija v policentrichnom mire. (2011) Pod red. A.A. Dynkina, N.I. Ivanovoj. Ves' mir. M.
- Kempin R., Kunz B. France, Germany, and the Quest for European Strategic Autonomy. Notes du Cerfa, No 141, Ifri, December 2017.
- Zielonka J. Is the EU Doomed? Polity Press. Reprinted 2016.

The Global World: Risks and Possibilities

Author. Gromyko Al., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (RAS). Head of the department of theory and history of international relations, Nizhni Novgorod State University. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the conceptual analysis of globalization and the global world phenomena. The author's deliberations are based on the recent research by professor V.B. Kuvaldin "The Global World: Politics, Economy, Social Relations". The global world is defined as a key trend of contemporaneity whereas the singularity of neoliberal and West-centered model of globalization is called into question. In the focus of attention are problems of globalization's genesis, (in)stability of policentric structure of international relations, interaction between Political and Economical, growing social inequalities and disparities. The author explores viability of the nation-state institution, elements of deglobalization, adaptability of the European Union to the changing nature of international environment. Both researches adhere to the vision of Russia's strategic thinking defined by its unique European and Pacific reach available to the "power of three oceans".

Key words: Globalization, global world, national state, polycentric world.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12018137147>